

Этой ночью Цзянь Хаои ворочался на постели в кабинете Зала Юэ, не в силах уснуть. Его мысли были заняты состоянием Бай Юэцзэ, и несколько раз он хотел пойти проведать его, но после ужина сам же поклялся не беспокоить его без причины, чтобы тот мог спокойно восстанавливаться. Теперь, если он снова отправится в центральный двор, это будет равносильно нарушению данного обещания. Цзянь Хаои чувствовал себя подавленным и раздражённым, с трудом пережив смену ночной стражи, прежде чем наконец погрузился в беспокойный сон.

В полудрёме ему почудилось, будто он легко и невесомо покинул Зал Юэ и оказался в месте, которое было ему чрезвычайно знакомо. Присмотревшись, он с удивлением обнаружил, что в мгновение ока переместился из Зала Юэ в гробницу Бай Цзыюэ. Цзянь Хаои был в замешательстве, как вдруг заметил белую фигуру, стоящую перед надгробием Бай Цзыюэ. Фигура стояла, заложив руки за спину, словно погружённая в раздумья.

— Цзы... Цзыюэ...? — Цзянь Хаои задрожал от удивления.

Он хотел подойти ближе, чтобы разглядеть всё как следует, но боялся потревожить человека перед ним.

Услышав шум за спиной, человек в белом медленно обернулся.

В одно мгновение Цзянь Хаои разглядел лицо. Ему показалось, будто молния с небес ударила ему в голову, и мысли его опустели.

Бай Цзыюэ медленно подошёл к Цзянь Хаои. С каждым шагом за его спиной расстилалось сияние, а белые одежды развевались без ветра. Лицо его также постепенно менялось, пока наконец он не остановился перед Цзянь Хаои, и его облик полностью превратился в лицо Бай Юэцзэ. Цзянь Хаои был настолько поражён, что едва не вскрикнул.

— Не узнаёшь? Или ты напился до потери рассудка?

Голос Бай Юэцзэ раздался у него в ушах, и Цзянь Хаои оцепенел. Но в следующее мгновение он услышал, как сам произнёс с радостью:

— Цзы... Цзыюэ, ты наконец вернулся, чтобы повидаться со мной...

Человек в белом слегка улыбнулся, но в его словах слышалась злость:

— Я и не собирался приходить, но раз уж ты готов был бросить государство и семью, чтобы напиться до смерти и последовать за мной, как я мог не прийти, чтобы проводить тебя?

— Я не... — Цзянь Хаои поспешно возразил.

Но в его сознании мелькнуло ощущение, будто эта сцена уже происходила где-то и когда-то, хотя он не мог вспомнить подробностей.

Человек в белом не отступал, шаг за шагом приближаясь. Цзянь Хаои почувствовал себя виноватым и невольно начал отступать.

— О? Ты не собираешься последовать за мной? — Человек в белом улыбнулся, вращая белым нефритовым веером, как меч, и приставил его к знаку Пожирателя Луны на груди Цзянь Хаои.
— Тогда... может, я поднимусь к тебе?

— Цзыюэ, ты серьёзно?! — В сердце Циянь Хаои вспыхнула дикая радость.

Он не стал раздумывать, схватил человека за запястье и с силой притянул к себе.

Но едва он обнял человека, как тот, сжав живот, задрожал, словно в лихорадке, и из его рта хлынула кровь. Циянь Хаои был в ужасе, его сердце сжалось от боли.

— ...Жаль, что ты всё ещё сомневаешься во мне. Даже если я вернусь к тебе, это ничего не изменит... и наш невинный ребёнок пострадает... — Человек в белом прошептал, на губах его виднелась алая кровь. — ...Гнилое дерево не исправить... Как я мог быть таким глупым...

Его голос становился всё тише, пульс слабел. Циянь Хаои, держа его на руках, был в отчаянии, не зная, что делать. Он хотел кричать о помощи, но тело его оцепенело, и он не мог пошевелиться.

— Увы, великие мечты развеялись в одно мгновение, и смешно, что я не жалею и не ропщу. Циянь Хаои, нам не следовало больше встречаться... — С этими словами тело человека стало легче, пока наконец не превратилось в белые искры, медленно рассеивающиеся в воздухе.

— Цзыюэ, не уходи! Пожалуйста, не уходи! — Циянь Хаои, охваченный отчаянием, изо всех сил бросился к этим белым искрам.

Но они лишь продолжали исчезать. В конце концов он закричал:

— Юэцзэ, не уходи! Я верю тебе, я давно тебе поверил, пожалуйста, не уходи!...

— Юэцзэ, не уходи!!! — Циянь Хаои вскрикнул и резко сел на постели.

Он открыл глаза. Вокруг было темно. Снаружи снова раздался звук ночной стражи — уже третья стража.

Это был сон...

Циянь Хаои провёл рукой по глазам — они были мокрыми. Он только сейчас заметил, что его одежда промокла от пота.

В кабинете стояла зловещая тишина, лишь звук капель воды из водяных часов на столе нарушал её. Ночь была глубока...

Сон, который он только что видел, казался одновременно странным и знакомым, на семь частей нереальным, но на три — правдоподобным. Он давил на Циянь Хаои, не давая дышать.

Бай Юэцзэ, Бай Цзыюэ... Бай Цзыюэ, Бай Юэцзэ...

В голове Циянь Хаои мелькнули догадки, но сейчас его ум был слишком расстроен, и все предположения казались одновременно правдой и ложью, не давая возможности сделать вывод.

После этого странного сна Циянь Хаои больше не мог уснуть. Он поднялся, увидел, что за окном ярко светит луна, а во дворе царит тишина и покой, и, накинув верхнюю одежду, решил прогуляться при лунном свете, чтобы скоротать долгую ночь.

Осенняя ночь в государстве Лян была необычайно холодной. Но Циянь Хаои, погружённый в свои мысли, не почувствовал холода, хотя на нём был лишь тонкий халат.

Цзыюэ ушёл уже пять лет. Пять долгих лет, которые, хоть и не были вечностью, изменили всё до неузнаваемости. Циянь Хаои глубоко вздохнул, ощущая горечь в сердце. Он, генерал Пинси государства Лян, когда-то с копьём и изогнутым клинком в руках был непобедим на поле боя, наводя ужас на людей Си Ся. Но в любви он снова и снова совершал ошибки. В юности он был легкомысленным и не ценил того, что имел, а теперь навсегда разлучён с Бай Цзыюэ, оставив в сердце лишь сожаление. Теперь, будучи вынужденным снова жениться, он думал, что, отомстив, сможет лечь рядом с любимым, но не ожидал, что новый супруг снова и снова будет трогать его сердце. Его мастерство на тренировочном поле вызывало восхищение, его готовность жертвовать собой на войне трогала душу, а его страдания, как мужчины, вынашивающего ребёнка, вызывали сострадание...

Одно за другим воспоминания всплывали в голове Циянь Хаои, и он удивлялся, как чётко помнил каждую деталь. Этот человек в белом, хоть и был временами дерзким, в глубине души был очень похож на Цзыюэ. Он был мастером боевых искусств, обладал выдающимся умом, был преданным, но сдержанным. Даже его сын был к нему особенно привязан...

Но что же он сам сделал для него?

Сложная политическая обстановка в государстве Лян сделала Циянь Хаои осторожным и подозрительным, но это не означало, что он не мечтал снова встретить человека, подобного Бай Цзыюэ, с которым мог бы разделить свои мысли и вместе сражаться на поле боя... Но как это соотносится с его чувствами к Цзыюэ?

Все вопросы, казалось, вернулись к началу, и Циянь Хаои чувствовал себя растерянным, голова его болела.

Как было бы хорошо, если бы Бай Юэцзэ и Бай Цзыюэ действительно были одним человеком...

Циянь Хаои вздохнул и усмехнулся, поняв, что, видимо, окончательно сошёл с ума...

Он прошёл через дворы усадьбы, шёл по коридорам, блуждая без цели под холодным осенним лунным светом.

В это время все в усадьбе уже спали, и Циянь Хаои, не желая тревожить стражу, выбрал самые тихие тропинки. Когда он очнулся, то оказался у ворот центрального двора.

Циянь Хаои уставился на ворота. Внутри спал человек, о котором он больше всего беспокоился, но он не мог просто так войти и увидеть его. Циянь Хаои лишь горько усмехнулся.

Он постоял у ворот несколько мгновений, собираясь уже уйти, как вдруг из-за угла коридора появилась знакомая белая фигура. В тот момент Циянь Хаои услышал, как его сердце забилося в груди, словно в ту ночь в Западном военном лагере Лян, когда белая фигура промелькнула перед его глазами и навсегда оставила след в его сердце...

Циянь Хаои хотел подойти ближе, но боялся потревожить человека, задумчиво стоящего под луной. Но если он не подойдёт, как тот выдержит холодный осенний ветер столицы Лян, одетый лишь в тонкий халат?

Подойти или нет? Циянь Хаои нервничал, не зная, что делать. Но прежде чем он успел принять решение, его ноги сами понесли его вперёд.

Бай Юэцзэ стоял в белом шёлковом халате, его чёрные волосы, похожие на водопад, были

распущены и ниспадали до пояса. Он стоял на повороте коридора, задумчиво глядя на луну.

Бай Юэцзэ проспал несколько дней, и хотя сегодня его изрядно измотал Э Ли, к ночи он всё равно не мог уснуть. К третьей страже все в доме уже спали, и Бай Юэцзэ, стараясь не шуметь, вышел из спальни, чтобы подышать воздухом.

- Названия локаций и титулы сохранены в соответствии с глоссарием.
- В оформлении прямой речи использовано только длинное тире без кавычек.

<http://bllate.org/book/17679/1648093>